

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познайте Истину
и Истина сделает
вас свободными.
Ев. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 1

МАЙ 1965

МЮНХЕН

ДВА КОСМОСА

Считаете ли вы, что душа видит только глазами, что она ограничена миром наших чувств?

Тот, кто так считает, находится в величайшем заблуждении».

Марк Аврелий

Восемнадцатого марта 1965 года подполковник Леонов вылез из люка космического корабля и десять минут «плыл» в космос. Совершился, как сообщалось в советской прессе, «первый в мире выход человека в космическое пространство».

Это бесспорно исключительное событие сопровождалось, как всегда, обычной пропагандной шумихой огромного масштаба. Достижение космонавтов, безызвестных ученых и техников — истинных творцов прорыва в космос, используется для доказательства преимуществ коммунистической системы.

Пять дней спустя поднялся на орбиту майор Гриссом и, как выражалась западная печать, «рулил» свою космическую капсулу наподобие автомобиля, пользуясь специальным ручным управлением. США, включившиеся в это соревнование, затрачивая колоссальные средства и усилия, стремятся доказать всему миру, что в научно-технической сфере они не отстают от СССР, деградируя науку до уровня футбольного стадиона.

Разумеется, подобные события поражают воображение. Но невольно ловишь себя на том, что к чувству понятного восхищения примешивается другое, не столь законное, и даже неуместное чувство — чувство смешного. Где-то на краю сознания мелькает ассоциация с топором, который, по Достоевскому, кружился в безвоздушном пространстве. Воплотившись в жизнь, научная фантастика каким-то образом оказалась на грани юмористики.

В недалеком историческом прошлом, когда техника не подвигалась так поспешно вперед, но зато с головокружительной быстротой росли внутренние горизонты, человечество тоже помышляло о космосе. Но лучшие умы того времени предполагали, что в космос «выйдет» новый, космический человек, избавившийся от

земной ограниченности и сделавший решительный шаг к возможному совершенству. Предполагалось, что прежде, чем попасть в материальный космос, человек поднимется в космос духа.

И вот тут-то и притаилось комическое, источником которого, как всегда, является несоответствие. Ибо симпатичный сибиряк, подполковник Алексей Архипович Леонов, проделывающий в космосе гимнастические упражнения, не похож на человеческий дух, воспаривший в мировом пространстве. Неподобен так же, как полковник Павел Беляев, майор Вирджил Гриссом, капитан-лейтенант Джон Юнг, ученые-специалисты и почти каждый представитель современного человеческого сообщества. Люди технического таланта и мужества способны на великие дела. Но там, где возникает разрыв между материей и духом, между внешним и внутренним, — от великого до смешного один шаг.

Смысль покорения космоса не только в практической пользе (которую нет оснований оспаривать), не только в удлинении радиуса полета и даже не только в пополнении познания, — но и в расширении сознания, в обогащении личности. Без этого экскурсии в космос превращаются в бессмыслицу. Можно находиться в космических сферах и ощущать пространство и время не лучше, чем на кухне коммунальной квартиры или в маленьком домике на Лонг Айлэнд.

Между тем мы не готовы к космосу, как не были готовы к расщепленному атому, из которого прежде всего соорудили атомную бомбу, как не были готовы даже к электричеству. Правда, его мы использовали прежде всего для изготовления предметов домашнего обихода, но не забыли при этом и электрический стул.

Увы, духовный космос «осваивается» в наши дни гораздо медленнее, чем вещественный. Удаляясь от земли, мы покидаем толпу обступивших нас роковых вопросов, из которых первые — что есть истина, и что такое свобода, без которой нет истины? Вне сомнений, такие вопросы решались уже много раз, но именно

из этого следует, что каждый раз приходится решать их заново. «Философ и социолог легко докажут, как неопределенно и расплывчато это понятие», — говорит о свободе наш современник Георгий Федотов.

Было бы несправедливо упрекать наших современников в том, что они не делают попыток прорваться в космос мысли. На условном «Западе» создатель формулы мира Вернер Гайзенберг, Мартин Бубер и Карл Ясперс, Игорь Стравинский, компонирующий музыку «точную, как нотариальный договор», Томас Элиот, Джон С. — Перс и Альбер Камю, владельцы литературных дум Сэллинджер и Эрнест Хемингуэй, мастер атома Отто Ган и практический правдоискатель Альберт Швайцер, — каждый по-своему и на своем «участке» проникли в высокие духовные области. И если считать, что эти отдельные прорывы не привели еще к решающей победе, к общему торжеству духа, то повинен в этом сам западный человек, потому что никто не мешает ему набирать внутреннюю высоту.

С некоторых пор заметное оживление наступило и на условном «Востоке». Начались поиски истины на более широкой площади. Писатель Владимир Дудинцев заявил, что «истина неприкосновенна». Философ Б. Кедров, исследуя «пути познания истины», пришел к следующему выводу: в результате длительного «неумного понимания принципа партийности», в Советском Союзе только теперь «вещи стали называться своими именами» и те, кому это велят надлежит, поняли, что «никакими заклинаниями нельзя остановить прогресса науки».

«По случаю юбилея» самого свободомыслящего советского журнала «Новый мир», редактор его Александр Твардовский выступил с программной статьей, в разных местах которой мы читаем:

«Вместе со всей литературой «Новый мир» испытал на себе губительное воздействие известных явлений в нашей жизни — незаконных репрессий, духа недоверия, подозрительности».

Но —

«Миновало то время, когда наши люди, приезжая из-за границы, должны были в своих выступлениях лишь иллюстрировать те схематические представления о зарубежной жизни, с которыми они туда выезжали. Пытливый и вдумчивый взгляд нынешних наших путешественников способен куда более глубоко и не предвзято рассмотреть по-своему сложные явления... культуры, искусства и быта как стран социализма, так и капиталистического мира».

«К сожалению... до самого недавнего времени печать проявляла... заметное недовольство отражением в литературе достоверных черт реальности...».

Тем не менее —

«Подмена подлинной картины действительности... такую, которая более соответствует предвзятым представлениям о ней, — несостоятельна и тлетворна... Все, что талантливо и правдиво в искусстве — нам на пользу... Мы приветствуем споры... и сами не намерены уклоняться от постановки острых вопросов... На том стоим».

По страницам советской прессы

Н. А. БЕРДЯЕВ

победно шествует общеизвестный афоризм — «истина рождается в споре». Но истина рождается только в совершенно свободном споре, т. е. в том случае, если допускаются и те суждения, которые считаются заведомо ошибочными. Между тем этой свободы в СССР нет. В знаменательной передовой «Правды», написанной ее новым редактором А. М. Румянцевым и озаглавленной «Партия и интеллигенция», много и хорошо говорится о том, что «подлинное творчество... представляет собой высшее проявление человеческого духа», которое «не может стимулироваться приказом», что партия за «обстановку поиска, эксперимента, свободного выражения и столкновения мнений». Но соблазительные высказывания заканчиваются тем, что все это возможно только в границах диалектического материализма. Что же касается партии, то она и впредь намерена «руководить» наукой и искусством. Таким образом неприкосновенной остается, все-таки, не истина, а партия.

Русское зарубежье лежит где-то между «Западом» и «Востоком». Нас волнуют те же большие проблемы духовного космоса. Возможности на-

ши невелики, тем более, что мы полагаемся только на свои собственные силы. Но диспропорция между творческими потенциалами не смущает нас. Великий интеграл истины складывается из бесконечно малых величин.

В нашем распоряжении имеется неисчерпаемый духовный резерв: ушедшие мыслители зарубежья, голоса которых звучат в мире все сильнее. Вот что, например, говорит об истине Николай Бердяев:

«Мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут. Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу. Нелюбовь к истине определяется не только нигилистическим или скептическим к ней отношением, но и подменой ее какой — либо верой и догматическим учением, во имя которого допускается ложь, которую считают не злом, а благом».

Разве эти слова не воспринимаются так, как будто они сказаны сегодня? Духовные поиски, наши и чужие, шли и идут параллельными линиями. Если верить русскому математику Лобачевскому, в конце-концов они пересекутся.

БОРЬБА ЗА ИСТИНУ

(ИЗ КНИГИ «ЦАРСТВО ДУХА И ЦАРСТВО КЕСАРЯ»)

БЕРДЯЕВ Николай Александрович — известен всему культурному миру как выдающийся русский религиозный философ. Бердяева особенно любят в Европе и Америке. Ключевая тема творчества Бердяева — борьба за истину и свободу.

Г. П. Федотов в статье «Бердяев — мыслитель» пишет:

«Основная жизненная интуиция Бердяева — острое ощущение царящего в мире зла. В этой интуиции он продолжает традицию Достоевского (Ивана Карамазова), но также и русской революционной интеллигенции, с которой он столько копий переломал в первые годы своего идеалистического исповедания (период «Вехи»). Борьба со злом, революционно-рыцарская установка по отношению к миру отличает Бердяева от многих мыслителей русского православного возрождения. Не смиренное или эстетическое принятие мира, как Божественного всеединства (основа русского «софианства»), но борьба с миром, в образе падшей природы, общества и человека, составляет жизненный нерв его творчества... Личность в понимании Бердяева радикально отли-

чается от индивидуальности, как своеобразия, неповторимой комбинации черт. Индивидуальность или особь принадлежит природному миру и разделяет с ним рабство и смертность. Бердяев враг индивидуализма; мирозерцания по преимуществу буржуазного, но любит называть свою философию ПЕРСОНАЛИЗМОМ...»

* * *

Мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут. Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу. Нелюбовь к истине определяется не только нигилистическим или скептическим к ней отношением, но и подменой ее какой-либо верой и догматическим учением, во имя которого допускается ложь, которую считают не злом, а благом. Равнодушие к истине уже и ранее определялось догматической верой, не допускавшей свободного искания истины. Наука развивалась в европейском мире как свободное исследование и искание истины, независимо от ее выгоды и полезности. Но потом и наука стала пре-

вращаться в орудие антирелигиозных догматических учений, напр., марксизма, или технической мощи. Если наша эпоха отличается исключительной лживостью, то ложь эта особенная. Утверждается ложь, как священный долг во имя высших целей. Зло оправдывается во имя добра. Это, конечно, не ново. Истории всегда любила оправдывать зло для своих высших целей (хитрость разума у Гегеля). Но в наше время эта приняла огромные размеры. Философски довольно новым является то, что пошатнулась самая идея истины. Правда, предшественниками в этом отрицании истины были древние софисты. Но они быстро были побиты Платоном, Аристотелем, Платином, т. е. на вершинах греческой мысли. Взгляды эмпириков и позитивистов на истину были противоречивы и неопределенны, но в сущности они также признавали ее несомненность, как и противоположные философские направления, для которых истина была абсолютной. Сомнение в старом понимании истины началось в прагматической философии, но она не отличалась радикализмом и имела переходящее

значение. Гораздо более глубокое значение имеет потрясение истины у Маркса и Ницше, хотя это потрясение произошло у них в противоположных направлениях. У Маркса утверждается исторический релятивизм истины, как орудия борьбы классов, на почве диалектики, взятой у Гегеля. Диалектическая ложь, широко практикуемая марксистами на практике, оправдывается диалектическим материализмом, который, в глубоком противоречии со своими философскими основами, признается наконец открытой абсолютной истиной. И к этой открытой марксистами истине существует догматическое отношение, напоминающее отношение католической церкви к своей догматической истине. Но марксистская философия, которая есть философия *praxis*, признает истину орудием борьбы революционного пролетариата, у которого истина иная, чем у классов буржуазных, даже когда речь идет об истинах наук о природе. Ницше понял истину, как выражение борьбы за волю к могуществу, как творимую ценность, истина подчиняется созданию расы сверхчеловека. Иррациональная философия жизни в сущности истиной не интересуется, но в этой философии есть доля истины, той истины, что познание есть функция жизни. Более интересная экзистенциальная философия, чреватая будущим, склонна утверждать не старое объективированное понимание истины, а субъективно-экзистенциальное. Но это не означает отрицания истины. У Киркегардта в субъективном и индивидуальном открывается абсолютная истина. Новейшие течения экзистенциальной философии очень противоречивы в отношении к истине. Гейдеггер, которого нельзя признать экзистенциальным философом, в своей брошюре, посвященной проблеме истины, склоняется к онтологическому и объективному пониманию истины. Но это классическое понимание истины выражено в новой терминологии и носит своеобразный и более утонченный характер. В конце концов непонятно, почему человек (*Dasein*) может у него познавать истину. Опора истины на свободу противоречит онтологическому пониманию истины, при котором центр тяжести лежит в открывающемся сущем. В отличие от других экзистенциалистов, Гейдеггер держится за старое понимание истины, но по-новому выраженное. В широких философских наивных кругах торжествует релятивизм и историзм, в которых есть доля правды по сравнению со старым статическим пониманием истины, но есть еще большая доля коренной лжи. Историзм не в состоянии понять смысл истории, ибо вообще отрицает смысл. В политике, которая в

наше время играет господствующую роль, обычно говорят не об истине и лжи, не о добре и зле, а о «правости» или «левости», о «реакционности» или «революционности», хотя такого рода критерий начинает терять всякий смысл. Тот хаос, в который сейчас ввергнут мир и за ним мысль, должен был бы привести к пониманию неразрывной связи истины с существованием Логоса, смысла. Диалектика теряет всякий смысл, если нет Смысла, Логоса, который должен победить в диалектическом развитии. Вот почему диалектический материализм есть противоречие в терминах. Историческое развитие, которое порождает релятив-

тивное, точное научное познание природного мира заключает в себе отблеск Логоса.

Старая традиционная точка зрения признает объективный критерий истины. Истина почти отождествляется с объективностью. Этот объективизм в понимании истины и истинного познания свойствен совсем не только так называемому наивному реализму, который отвергается большей частью философских направлений. Преобладает всетаки понимание познания, как соответствия «объективной» реальности, которая открывается. Критика Канта разрывает с такого рода объективизмом и видит истину в соответствии разума с самим

Российское Зарубежье, рассеянное по всему свободному миру, приближается к 50-летию своего существования. За эти годы, по обе стороны русского рубежа, родилось и выросло уже два поколения, знакомые с исторической Россией по рассказам и письменным источникам. И одно — подсоветское — почти ничего, и другое — зарубежное — очень мало знают о том огромном духовном и культурном наследии, созданным их отцами в Зарубежье за эти полвека.

Редакция тетрадей «Зарубежье» ставит своей целью:

— *Ознакомить новое поколение с духовно-идейным и культурным творчеством русского Зарубежья.*

— *Ознакомить с духовно-идейными и культурными ценностями, созданными в свободном мире и имеющими общечеловеческое значение.*

— *Стать связующим звеном в переключке «живых душ» в целях духовного и идейно-творческого общения и обмена ценностями, которые могут явиться ответом на вызов истории.*

«Час не настанет, время не придет, если мы будем в бездействии».

Нашим начинанием мы хотим служить России.

визм, невозможно, если нет Логоса, Смысла исторического развития. Смысл этот не может заключаться в самом процессе развития. Мы увидим, что старое, статическое, объективированное понимание истины ложно и вызвало реакцию, дошедшую до отрицания истины. Но и при субъективно-экзистенциальном, динамическом понимании истины она остается вечной и получает иной смысл. В конце концов на большей глубине открывается, что Истина, целостная истина есть Бог, что истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, объективного бытия, а есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта. Научное познание обычно определяют, как познание того или иного объекта. Но это определение не доходит до глубины и приспособлено к условиям нашего объективированного мира. Но в глубине и самое пози-

с собой, она определяется отношением к законам разума и согласованием мыслей между собой. Но Кант все же держится за объективизм, за общезначительность, связанную с трансцендентальным сознанием. Понятия субъективного и объективного остаются у Канта противоречивыми и недостаточно выясненными. Неокантианство школы Виндельбанда, Риккерта и Ласка считает истину ценностью, но дает этому ложное истолкование в духе не творческого нормативизма. Гуссерль движется в направлении объективного идеализма сознания, своеобразного платонизма, оторванного от платоновских мифов. С властью объективизма, в реалистической или идеалистической форме, порывает лишь экзистенциальная философия, хотя она и принимает разные направления и может срываться в новую форму объективизма, как напр. у Гейдеггера при освобождении от старой терминологии. Только у Киркегардта истина в субъек-

тивности и индивидуальности, но это не получает у него философского обоснования. Нужно прежде всего сказать, что истина не есть соответствие в познающем объективно данной реальности. Никто никогда не объяснил, как реальность бытия может переходить в идеальность познания. Когда я говорю, что передо мной стол, то это есть некоторая частная истина, но нет соответствия между этим столом и моим утверждением, что это стол. Это скромное узвание стола имеет прежде всего прагматическое значение. Существуют ступени познания истины, зависящие от ступеней общности людей и их общности с мировым целым. Но истина не есть также соответствие разума с самим собой и своими общеобязательными законами. Истина, которой должны быть соподчинены все частные истины, не отвлеченноразумна, а духовна. Дух же находится по ту сторону рационализированного противоположения субъекта и объекта. Истина не есть пребывание в замкнутой мысли, в безвыходном круге сознания, она есть размыкание и раскрытие. Истина не объективна, а транссубъективна. Вершина познания есть не выход через объективацию, а выход через трансцендирование. Средне — нормальное сознание приспособлено к состоянию объективированного мира. И логическая общеобязательность познания носит характер социологический. Я не раз писал уже, что познание зависит от духовной общности людей. Для духовной общности людей высокой ступени раскрывается истина, которая есть трансцендирование объективного, вернее объективированного мира. То, что называют «бытием», не есть последняя глубина. Бытие есть уже продукт рациональной мысли, оно зависит от состояния сознания и состояния мира. Глубже бытия духовное существование или духовная жизнь, которой принадлежит примат над бытием. Целостная истина есть не отражение или соответствие реальности мира, а торжество смысла мира. Смысл же не есть торжество логики, приспособленной к падшести мира и сдавленной логическими законами, прежде всего законом тождества. Божественный Логос торжествует над бессмысленностью объективного мира. Истина есть торжество Духа. Целостная истина есть Бог. И лучи этой целостной, божественной, логосной Истины падают и на научное, частичное познание, обращенное к данной, объектной мировой действительности. Раскрытие Истины есть творческий акт духа, человеческий творческий акт, творческий акт, преодолевающий рабство у объектного мира. Познание активно, а не пассивно. Феноменология в сущности требует

пассивности познающего, считая активность психологизмом. Вот почему феноменологию Гуссерля нужно признать неблагоприятной для экзистенциальной философии. Признание творчески-активного характера познания совсем не означает идеализма, скорее наоборот.

Познание истины есть не выработка рациональных понятий, а прежде всего оценка. Истина есть свет Логоса, возгоревшийся с самым бытием, если употребить традиционную терминологию, или в глубине существования, или жизни. Единая целостная Истина разбивается на множество истин. Сфера, освещенная единым лучом света (отдельная наука), может отрицать источник света, Логос — Солнце, но она не могла бы получить освещения без этого единого источника света. Все познающие в разных сферах познания, признают логику и ее законы, почитаемые непреложными, но могут отрицать Логос, целостный духовный Разум-Слово. Между тем, как законы логики, закон тождества и закон исключения третьего, означают необходимые приспособления к условиям нашего падшего мира, дух находится в сфере, которая по ту сторону законов логики, но в Духе есть свет Логоса. Я уже раз писал о социологическом характере логической общеобязательности и соответствии этой общеобязательности и убедительности ступеням духовной общности. Не хочу сейчас повторять сказанного. Но вот что особенно важно установить. Ни материализм, ни феноменализм (в разных типах позитивизма), ни экзистенциализм типа Гейдеггера, не могут обосновать самого возникновения проблемы Истины. Сейчас особенно важен Гейдеггер. Совершенно непонятно, как человек (Dasein) может возвыситься над низостью мира, выйти из царства das Man. Для этого в человеке должно быть высшее начало, возвышающее его над данностью мира. Экзистенциалисты антирелигиозного типа так низко мыслят о человеке, так понимают его исключительно снизу, что остается непонятным самое возникновение проблемы познания, возгорание света Истины. Как бы мы ни мыслили о человеке, мы поставлены перед тем, что человек и познает свет истины и ввергается во тьму ошибок и заблуждений. Почему возможна трагедия познания, почему свет Логоса не всегда освещает познавательный путь человека, как существа духовного, превышающего мир? Познание не есть только интеллектуальный процесс, в нем действуют все силы человека, волевое избрание, притяжение и отталкивание от истины. Декарт понимал зависимость ошибок от воли. Совершенно ошибочен взгляд прагматизма, что истина есть полезное для жизни.

Истина может быть вредна для устройства обыденной жизни. Христианская Истина могла быть даже очень опасна, от нее могли рухнуть все государства и цивилизации. И потому чистая истина христианства была приспособлена к обыденной человеческой жизни и искажена, было исправлено дело Христа, как говорит Великий Инквизитор у Достоевского. Если мы верим в спасительность Истины, то совсем в другом смысле. По отношению к Истине происходит разделение «божьего» и «кесарева», духа и мира. На совершенно другом конце, в точных науках о природном мире, мы сейчас встречаемся с настоящей трагедией ученого. Физика и химия XX века делают великие открытия и приводит к головокружительным успехам техники. Но эти успехи ведут к истреблению жизни и подвергают опасности самое существование человеческой цивилизации. Таковы работы над разложением атома и изобретение атомической бомбы. Наука раскрывает, если не Истину, то истины, а современный мир ввергается во все большую и большую тьму. От целостной Истины человек отпадает и раскрывающиеся ему отдельные истины не помогают ему. При ложном делении мира на две части, которое вызывает необыкновенную лживость, научные открытия и технические изобретения представляют страшную опасность все новых и новых войн. Химики могли бескорыстно открывать истину, хотя и частную, но получилась атомическая бомба, которая грозит гибелью. Это происходит в царстве Кесаря. Спаси может только свет целостной Истины, который раскрывается в Царстве Духа.

Свобода для человека — величайшее из земных благ. Без свободы немислимо нормальное развитие личности, раскрытие ее творческих дарований, творческой созидательности. Творческая деятельность — труд является не только жизненной необходимостью человека, но и его духовной потребностью.

Принудительный труд есть подлинное проклятие, убивающее творческую инициативу, лишаящее человека радости и морального удовлетворения.

Свобода есть та безусловная необходимость или необходимое условие, без которой невозможны творчество и развитие личности, как духовно-творческого и свободного начала в человеке.

Мы верим в конечное торжество свободы, торжество добра над злом, ибо корни нашей свободы гораздо глубже — они в христианском самознании человека.

О СВОБОДЕ

(ИЗ КНИГИ «ХРИСТИАНИН И РЕВОЛЮЦИЯ»)

ФЕДОТОВ Георгий Петрович — историк-специалист по средним векам, церковный деятель, участвовавший в экуменическом движении по сближению церквей, политический деятель и публицист. Как свободный мыслитель он наиболее выразил себя в «высокой публицистике» — в небольших статьях.

*

Много ли сейчас в мире людей, которые любят свободу? Люди, как будто обладающие ею, ее не ценят, как воду, которую пьют, не платя за нее, другие ее ненавидят. Кажется что все благо в мире, все реформы и усовершенствования и, конечно, все революции покупаются за счет свободы. Давно известно, что для того, чтобы оценить свободу, нужно ее лишиться. Философ и социолог легко докажут, как неопределенно и расплывчато это понятие. Столько различных видов свободы! Столько раз утверждали, что внутренняя свобода не зависит от внешней, что свобода от мира совместима с внешним рабством, и мудрец или святой в тюрьме обладают ею!

Думаю все-таки, что об этом судить должен сам заключенный. Думаю также, что, как бы далек он ни был от внешнего мира, но радость освобождения, первый день на воле — огромное, реальное счастье. Даже если допустить, что в мире не может быть свободы, то есть такая вещь, как освобождение, и освобождение несет в себе особый метафизический или религиозный вкус, который не обманывает. Это как вкус райского яблока на смертных устах в житейных легендах. Он говорит о тайной и глубокой реальности свободы, которая символизируется в нашей жизни, как редкая и чистая радость освобождения.

Но есть и другой опытный путь к свободе, к достижению ее религиозной глубины. Это борьба за свободу, что глубже освобождения. Освобождение может быть понято, как облегчение, как снятие бремени, как радость легкой жизни. Тогда все пропало. Тот кто возжаждал легкой жизни, тот рано или поздно продаст свободу. Свобода не легка, легче жить в комфортабельном, упорядоченном, гуманизированном рабстве. Отчего современная буржуазная демократия, избалованная комфортом, гедонистическая по самым основам

своей жизни, так легко отказывается от свободы. Она за нее не борется.

Борьба за свободу, в своем духовном содержании, отлична от всякой иной борьбы. Это не борьба за средство к цели, не борьба за одно из благ существования. Она переживается, как борьба за последнюю ценность, ради которой можно и должно отдать все другое — и самую жизнь

Как будто бессмысленно с позитивной точки зрения. «Лучше быть живой собакой, чем мертвым львом!» Да, если свобода легкая жизнь, то как можно за нее умирать? Как можно даже трудиться для легкой жизни, брать на себя крестное бремя? Но тут и оказывается, что борясь за свободу, мы боремся за нечто, смысл чего для нас скрыт, что превосходит человека, но вместе с тем является самым глубоким в человеке. Это не важно в каких земных и даже тривиальных формах представляет человек ту свободу, за которую борется: свобода слова, печати, собраний. Все это символы иной реальности, которая большинством людей ощущается смутно, в мгновения высшего подъема всех духовных сил — между прочим в те, когда идут умирать за свободу. Русская интеллигенция обладала этим метафизическим чувством свободы, хотя и грешила ее политизацией. Ей казалось что свободе угрожает только государство, что борьба за свободу есть борьба политическая. Кому не приходилось слышать, особенно в юности, такие разговоры: «Да Россия будет свободной, жизнь будет прекрасной. Но как скучно будет жить! Не за что будет бороться!»

Как будто самая свободная государственность — скажем английская — не оставляет места борьбе за свободу. Всюду, где есть общество, где есть коллектив, есть и опасность покушения на свободу и долг защиты свободы. Каждая группа людей, объединенных единством цели и самосознания, стремится подчинить себе личность и заставить служить себе. Школа, редакция, полк, приход — все подвергается искушению рассматривать свой коллективный интерес как честь, как высшее. Правда коллектива в том, что он имеет право на известные жертвы, труд и служение со стороны своих членов. Но сам он никогда не умеет поставить себе границ. Для него так естественно отождествлять себя в целом, к ко-

торому он принадлежит, с идеей, которой служит, и тем предать целое и идею. Университет забывает об истине, приход о вселенской церкви, думая, что истина и церковь это именно он. И во имя этого эгоцентрического отождествления коллектив требует от личности жертвы не только трудом и служением, но и совестью. Тут возникает конфликт, который приводит к борьбе личности с коллективом за ее свободу — не во имя удобств и легкости существования, а как раз во имя ее служения, ее призвания, ее креста.

Эта борьба неизбежна, повсеместна: но она именно и спасает метафизический смысл свободы и очищает коллективное сознание от социальной шелухи. Только ценой таких конфликтов и таких жертв в мире происходит какое то движение, в мире не умирает свобода.

Возвращаясь к Англии, которая сумела обеспечить личности максимальную защиту ее прав со стороны государства. Сколько конфликтов между личностью и нацией, сколько напряженной борьбы за свободу! Мы помним в XIX и XX веке имена поэтов, подвергавшихся общественному ostracismu, имена богословов, изгонявшихся из университетов. Что же, коллектив прав, защищая себя, личностные права, борясь за свободу своей правды. Жизнь идет, как равнодействующая этих сил. Но в этой борьбе правда коллектива — правда социальная, правда личности — религиозная. Все это трюизмы. Но прекрасно когда старые, как мир, истины засверкают новым светом, по новому переживутся в опыте. Точно пронеслась очистительная гроза. И в дуновении легкого ветра слышен голос Божий: «Где Дух Господен там свобода».

Да, вот где последнее основание свободы и борьбы за свободу. В послушании высшей правде. Голос Божий слышится, как голос, говорящий из самой глубины совести: отсюда совпадение подлинного и самого реального «Я» с этим Божественным зовом. Свободное послушание и свобода.

Многие, утратившие воспоминание о Боге, зовут его голос категорическим императивом или еще иначе. Эта не меняет дела. Бог в мире действует под множеством имен и образов. Но если представить себе, что в мире исчезнет и память о Боге и

способность узнавать Его под человеческими именами, тогда никто не будет бороться за свободу. Тогда свобода погибнет.

Мы знаем, что свобода подавлялась и подавляется в мире нередко

от имени религии, даже религии христианской. Это грех людей. Это не нарушает той истины, что лишь христианство зажигает настоящую и неугасимую любовь к свободе в сердце людей. И в наши дни, когда свобода гаснет, христиане — для

многих — неожиданно — оказываются в рядах ее борцов. Пришло время вспомнить одно из забытых имен Божих. Наш Бог есть Бог Освободитель! «Господь решит окованные. Господь изводит душу из темницы».

Г. Д.

ТЕЙАР ДЕ ШАРДЕН

Помещая первую статью Г. Д. (о де Шарден) редакция, в качестве предисловия к ней, дает выдержку из беседы Манеса Спербера о влиянии де Шардена на духовную жизнь современного общества. Манес Спербер — публицист и писатель, член Исполнительного Комитета Конгресса Защиты Свободы и Культуры, бывший член французской коммунистической партии.

В течение многих лет в Советском Союзе говорится о том, что Запад — полон декадентства, метафизики, философствования о смерти и, что все это происходит только потому, что, мол, существующий на Западе порядок уже осужден, и приближается к своему концу и доживает, так сказать, свои последние дни. Однако, думаю мне, что многие из нас знают, что подобное заключение абсолютно неверно, так как свободный мир во всех областях, будь то материального, будь то духовного порядка переживает небывалое развитие, небывалый расцвет. Поистине, Запад развивается с захватывающей дыханием быстротой!

Представление же о том, что метафизическими вопросами занимаются и интересуются лишь те, кто находится на грани безнадежности, до смехотворности ложно. Быть может, это утверждение безошибочно применимо к отдельным индивидуумам, но обобщать данное положение — просто смешно.

Когда Маркс говорил о религии как об опиуме для народа, как «о вздохе,estone угнетенного существа», — когда он предсказывал, что религия исчезнет как только народ получит настоящее счастье, то он безмерно ошибался, уж по одному тому, что и сам-то не знал, что такое счастье.

Теперь, однако, мы можем отчетливо видеть, что все большее и большее число людей и без марксизма живет вне всякой нужды и даже без страха, что когда либо они встретятся с ней... Большинство молодых людей живет с полным сознанием того, что их жизненные условия могут лишь постоянно улучшаться, но никак не наоборот. Можно с несомненностью утверждать, что то, что прежде было досто-

янием очень немногих, стало совершенно обычным явлением для широких масс народов и во многих странах Запада. Это — уверенность в завтрашнем дне, в смысле материальном. И к чему же это ведет, что же происходит в умах? А происходит то, чего ни один марксист, рассматривающий все вопросы и явления в свете исторического материализма никогда ни предугадать, ни представить себе не сможет! В тот момент, когда человек уже полностью обеспечен, лишен всякой материальной заботы и нужды, и прошел уже через треволения, стремления и желания юности, в тот самый момент он начинает чувствовать неизъяснимую неожиданную пустоту... Все программы радио и телевидения, все кино, варьете и театры, все летние поездки и удовольствия спорта, и даже политическая работа, — ничто, ничто не может уничтожить, или хотя бы уменьшить эту пустоту. Можно попытаться эту пустоту на время позабыть, не думать о ней, но заполнить ее так и не удастся...

Конечно, сравнительно с тем, что было сто лет тому назад, церковных людей стало меньше, меньше тех, которые боятся ада и дьявола, но... тут мы сталкиваемся с новым феноменом, с удивительным явлением нашего времени: возникает религиозность, но религиозность не догматическая, возникает как бы подсознательное желание во что-то верить, как бы тоска, как бы печаль изгнанника по родной земле...

Эта тоска, эта тяга к вере охватывает все большее число людей. И не только церковных людей. Не меньше охватывает она и людей безразличных к религии, и людей сомневающихся...

Тейар де Шарден утверждает, что «католики могут, оставаясь добрыми католиками, быть одновременно людьми прогресса, не отставать от грандиозного современного мирового развития».

Кроме того, философия этого католического священника предлагает для многих убедительную концепцию мира в его взаимосвязи, то есть концепцию мировоззрения, строения мира и непонимания.

«Материя и дух, говорит Тейар де Шарден — это вовсе не два разных

элемента... Это — два состояния, два «способа существования» одной и той же космической субстанции. Все зависит лишь от того, с какой стороны мы на них смотрим и в каком направлении, так сказать, «продолжаем» их: в направлении ли созидания и творчества, или в направлении разрушения и разложения...

Наука ни в своем размахе, ни в своем действии, ни в своих построениях никогда не сможет достичь границы своих возможностей, если ученые не будут исполнены веры... Не следует забывать того, что такой ученый, как Альберт Эйнштейн, достигнув вершины своих научных достижений, хотя и другими словами, но утверждал тоже самое.

Сейчас, таким образом, создается такое настроение умов. И неверующие люди, как я и мне подобные и верующие люди — делают один и тот же вывод. И прежде нежели придет к концу наше десятилетие — мы попытаем необыкновенный расцвет и подъем религии в мире. Быть может этот расцвет будет недолговечным как последняя вспышка пламени, но скорее наоборот, что вера станет единственным прямым выражением воли человека и что только вера сможет устроить мирную жизнь человечеству.

Существование такого стремления к вере, к религии — понятно. Понять его совсем не трудно, если только вспомнить о той грандиозной опасности, которую несут в себе для мира, для всей нашей планеты, новое оружие, ракетные снаряды и так далее... Эта опасность дает всем людям чувство потерянности, они считают, что все будет утрачено, если не будет стоящей над политикой силы, которая все человечество объединит.

Я, лично, не жду много от религии. Из истории человечества я знаю, какие огромные, неисчислимы ценности вложены ею в эту историю, но знаю также и ее отрицательные стороны. Но надо внимательно относиться к этому вопросу, к этому явлению. Этот феномен, это духовное направление в области религиозной мысли, созданное Тейаром де Шарденом, я бы сказал — этот религиозный прогрессивный гуманизм, повторяю, может быть, кратковременным, может через некоторое время исчезнуть, но

может быть и так, что такой религиозный гуманизм будет развиваться дальше и с годами это развитие станет настолько большим, что уж ничто не сможет остановить его.

*

В данное время во Франции, — да и не только в одной Франции, а на всем Западе возник большой интерес к философским произведениям умершего несколько лет тому назад ученого иезуита — палеонтолога Тейара де Шарден. Пока вышли в свет главные его произведения; многое существует только лишь в виде рукописей, за которым охотятся поклонники, сторонники и противники этого необычного для нашей эпохи мыслителя.

Необычны не только философские произведения Тейара де Шарден, не менее удивительна его личность, которую биографы описывают и толкуют совершенно по-разному, в зависимости от того, принадлежат ли они к его сторонникам или противникам.

Мари-Жозеф-Пьер Тейар де Шарден родился в 1881 г. в центре Франции — около Клермон-Феррана, в провинциальной дворянской семье. Он получил одновременно духовное и научное образование: окончил иезуитский колледж и богословский институт и математический факультет в Клермон-Ферране. В 1911 г. он становится католическим священником, а через год встречается с известным французским ученым, профессором палеонтологии в Париже Марселем Буль, который убеждает его серьезно заняться естественными науками, которыми до того он интересовался как любитель — собирая коллекции камней и т.д. Во время Первой мировой войны Тейар де Шарден попадает на фронт и кончает войну с высшими наградами. По окончании войны он пишет кандидатскую а затем докторскую работу при Сорбонне и в 1922 году становится доктором естественных наук Парижского Университета. После этого Тейар занимается преподавательской и научной деятельностью, сотрудничая с профессором Буль и известным палеонтологом Аббатом Брей, и находясь в переписке с учеными всей Западной Европы и Соединенных Штатов. В 1923 г. Тейар де Шарден отправляется в научную экспедицию на Дальний Восток, в Тьень-Дзин и Ордос (Монголия), где группа ученых открыла следы доисторических людей (питекантропов). Последующие годы жизни Тейара заняты кипучей научной деятельностью в области палеонтологии. Он обосновывается в Пекине и оттуда совершает экспедиции по Дальнему Востоку (напр., на Памир), в Абиссинию и т.д.

В связи с политическим положением в Европе и Азии, Тейар вынужден остаться в Китае до 1946 г., когда ему, наконец, удается вернуться во Францию. За все это время, в особенности в течение Второй Мировой войны, он написал много философско-религиозных произведений. По возвращении во Францию он продолжает заниматься научной и философской деятельностью, несмотря на недоброжелательное отношение его духовного начальства в Риме, которое ему запрещает поставить свою кандидатуру на выборы в Коллеж де Франс. Однако французское правительство в 1947 году награждает Тейара де Шарден Орденом Почетного Легиона и его выбирают во французский Научный Институт. С 1951 г. он вновь совершает научные экспедиции в Северную Африку для подготовки там антропологических исследований, а также ездит в США, где и внезапно умирает в первый день Пасхи 1955 года.

Тейар де Шарден, как мы уже указывали, написал много чисто научных произведений и католическая церковь никогда не обсуждала их. Но с самого начала она отнеслась с большой осторожностью к его религиозно-философским произведениям и основанной им науке: антропогенезису. До 1951 года ему было запрещено печатать все его произведения, не имеющие прямого отношения к чистой палеонтологии; многое не напечатано до сих пор, несмотря на то, что прошло почти десять лет с его смерти.

Антропогенезис (развитие человека) Тейара де Шарден — это наука о генетической структуре человечества, причем человечество рассматривается как биологическая единица планетарного масштаба. Этот взгляд Тейар особенно четко изложил в своем произведении «Человеческий феномен». При этом он исходил из того факта, что до сих пор не существовало науки о человеке в природе. И однако человек как таковой, со своим мышлением и психикой, является феноменом природы, обусловленным его возникновением во времени и в пространстве. Это возникновение человека, возникновение мышления можно установить благодаря материальным следам, как например, обточенные кремневые орудия или электронные машины. Этот человеческий феномен, изменившийся с момента своего появления на Земле, следует особенно отметить и подчеркнуть. Поэтому Тейар называет появление человека «очеловечением» (гоминизацией); — жизнь на нашей планете «очеловечивается».

Если в физико-химической области Земли шла все более осложняющаяся подготовка к возникновению живой клетки, а затем развитие клет-

ки и возникновение биологических видов вплоть до Человека, являющегося высшей ступенью этого развития, благодаря его психике и интеллекту, то параллельно шло развитие именно этой психики, тоже начиная от клетки, а то и раньше. Это развитие психики — от неприметных для нас зачатков (подобно тому, как неприметно для нас бесконечно слабое передвижение известное геофизикам) до сложнейшей нервной системы высших классов Позвоночных и, наконец, интеллекта — Тейар называет «интериоризацией» (обращением внутрь). Обращение внутрь это возрастание сознания, самопознания и отсюда — сознательной целеустремленности. И человечество, благодаря своим специфическим свойствам, в конце концов составляет органическую часть поверхности Земли, подобно литосфере (земной коре), атмосфере или биосфере (по формулировке Зюсса), составляет ноосферу (мыслесферу).

Однако из этого не следует заключать, что Тейар де Шарден был сторонником устаревшего антропоцентризма. Да, человек — ключ мироздания, но благодаря новому понятию — своей сложности. Будучи своего рода сверхсложной молекулой, математические данные которой были бы столь же сложны, как измерения астрономических пространств нашей галактики, человек позволяет нам судить о существовании новой бесконечности — бесконечно сложного, к которому с самого начала стремилась эволюция на Земле. И эта эволюция, настоящим результатом которой является человек, не останавливается, а ведет ко все возрастающему сознанию спонтанности, т. е. ведет к свободе. Но прежде чем человек достигнет этой окончательной свободы, он должен пройти через «социализацию» (коллектив), компенсирующую ограниченность индивидуального ума, недостаточного при условиях развивающейся техники. И только преобразовав коллектив любовью, сохраняющей индивидуальность каждой отдельной личности, человек избежит духовного уничтожения (погашением личности коллективом) или уничтожения физического (ядерной энергией при враждебном столкновении эгоистических начал) и реализует свои максимальные возможности, создав «ультра-человеческое ядро». Эта кривая, по которой идет развитие на Земле и которую может нарушить лишь слободная воля человека, если он изберет конечной целью зло, стремится к все завершающей точке Омега, т. е. к Богу.

То, что Тейар де Шарден провел много лет на Востоке, несомненно отразилось на его внутреннем подходе к человеку и понимании его назначения в мире, его взаимоотношений с

Богом. Ему открылась духовная реальность, которая была знакома многим восточным Отцам Церкви, — в частности, видение всепронизывающего Божественного Света, сознание того, что человек должен изнутри преобразовать свое земное существование через общение с Богом, видение реального вечного присутствия Христа Спасителя во всем мироздании. Свой духовный опыт Тейяр попытался выразить языком западной философии, а иной раз и при помощи терминов естественных наук. Поэтому его нередко обвиняли в материализме, пантеизме и тому подобных ересях, и до сих пор не изданы как раз произведения, свидетельствующие о его личном духовном опыте.

Произошло же это потому, что Тейяр пытался если не материализовать эту духовную реальность, не поддающуюся формулировке, то хотя бы дать понять о ней западным людям. Для западного христианства вообще характерно стремление как бы к «материализации» духовного опыта. Ведь все видения западных святых были облечены в телесность для того, чтобы вся масса верующих могла легче их понять (детали одежды и т. п.), что, впрочем, более понятными их не делало, а только лишало их всякой духовности. Тейяр желал предвосхитить этот процесс, употребляя «материальный» научный язык — он остался непонятым. «Каким образом, когда я оглядываюсь вокруг, находясь под впечатлением того, что мне открылось, я вижу, что я почти

совсем одинок?») — восклицает он.

Трагизм Тейяра де Шарден в том, что во всяком случае, при его жизни его научно-философские и религиозные произведения остались непонятыми и непринятыми. Признавались лишь его строго научные статьи и доклады. Однако заслуга Тейяра в том, что он в наш научный век, потерявший вкус к духовности, показал непреложность духовного опыта Церкви и ее Святых и доказал, что истинная наука приводит к Богу как к все осмысляющему Началу и Концу, Альфе и Омеге.

(О творчестве Тейяра де Шарден в последующих номерах)

*) Из неизданного произведения 1955 года.

ЖАН-ПОЛЬ САРТР

КРИТИКА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО РАЗУМА*)

ОТ РЕДАКЦИИ

В октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Новый Мир» помещена автобиография — «Слова» — французского писателя Жан-Поля САРТРА. В предисловии «от автора» Сартр пишет:

«Благодаря «Новому Миру» я вступаю в контакт с советским читателем. Я рад этому и очень хочу, чтобы моя книга была принята хорошо. Последнее время я бываю в Советском Союзе почти ежегодно и полагаю, что у меня есть там хорошие друзья. Мне дорого было бы их одобрение...».

Одну из причин побудивших Сартра написать автобиографию, он объясняет так:

«Прежде всего мне хотелось описать извилистый путь, проделанный французами моего возраста, катастрофы и потрясения, рассеявшие их псевдопростодушный оптимизм и их идеализм. Я хотел рассказать о том, как многие из них — и я в том числе — в конце концов примкнули к лагерю эксплуатируемых и угнетенных и стали трудиться по мере своих сил ради построения социализма...».

Сартр, «примкнув к лагерю эксплуатируемых и угнетенных», членом коммунистической партии не стал, но с конца сороковых годов стал активным попутчиком коммунистов. Еще в 1946 году Сартр издал известный свой труд «Экзистенциализм это — гуманизм», в котором он, говоря о марксизме, подчеркнул, что марксисты, утверждая абсолютное первенство эконо-

номического фактора, отказываются заранее от возможности по настоящему понимать суть общественных настроений. Но затем Сартр, постепенно увлекаясь ролью экономического фактора в обществе, стал защищать марксистские позиции, считая, что в странах восточного блока уже осуществляется самый лучший образец общественного и политического строя. В 1953 году Сартр избирается членом Всемирного Совета мира, а в 1954 году он впервые посещает Советский Союз и затем его поездки повторяются почти ежегодно. С каждой поездкой растут его симпатии к Советскому Союзу и коммунистам и одновременно растет и его популярность среди молодого поколения писателей и студенчества Советского Союза. В августе 1963 года Сартр принимает участие на форуме европейских писателей в Ленинграде, где подчеркивается к нему особое отношение и где выдвигается он на передний план. Со своей стороны Сартр не остается в долгу, — в октябре прошлого года он отказывается от Нобелевской премии, присужденной ему Шведской академией наук. Отказываясь от премии Сартр заявил:

«В нынешних условиях Нобелевская премия выглядит как награда либо писателю Запада, либо страстищам с Востока. Ею, например, не увенчали Пабло НЕРУДУ¹⁾, одного из крупнейших поэтов Америки. Речь никогда в серьез не шла и о Луи

АРАГОНЕ¹⁾, который однако, ее вполне заслуживает. Достойно сожаления, что премии присудили ПАСТЕРНАКУ прежде, чем ШОЛОХОВУ¹⁾, и что единственное советское произведение, удостоенное награды, — эта книга, изданная за границей» («Правда» 24.10.1964 г.).

В 1960 году Сартр опубликовал огромный в 755 страниц убогистым шрифтом труд — «Критика диалектического разума» — в котором он занял довольно своеобразную позицию. С одной стороны он утверждает, что экзистенциализм — не гуманизм, но является лишь моментом единственной настоящей философии нашего времени — марксизма. С другой стороны Сартр, подвергая строгому анализу и критике недавнее развитие советского коммунизма, утверждает, что марксизм «остановился», что в нем произошло расщепление, появился разрыв между теорией и практикой.

В Большой Советской Энциклопедии мы читаем: «Сартр Жан Поль (род. 1905) — французский писатель и философ».

Мировоззрение Сартра противоречиво. Он считает себя представителем атеистического экзистенциализма. С. стремится преодолеть субъективизм, однако экзистенциалистские взгляды ведут его к отрицанию объективных критериев в морали, к отрицанию детерминизма в общественной жизни. В месте с тем по многим вопросам Сартр заявляет о своем согласии с марксизмом²⁾.

Ниже, в переводе с французского, мы даем выдержки из «Критики диалектического разума», в которых Сартр подробно трактует о том, что «марк-

*) J.-P. Sartre „Critique de la Raison dialectique“. Gallimard. Paris 1961. 755 стр.

¹⁾ Пабло Неруда член Чилийской компартии с 1945 г., Луи Арагон член Центрального Комитета Французской компартии с 1950 г., Шолохов член ЦК КПСС с 1961 г.

сизм остановился... что в философии марксизма произошел раскол, который отбросил теорию в одну сторону, а практику в другую».

* * *

... После того, как он притягивал всех нас к себе, как луна притягивает морской прилив, после того, как он революционировал все наши представления, после того как он ликвидировал в нас категории буржуазного мышления, марксизм нас бросил. Он больше не удовлетворяет нашей жажды понимания. В том совершенно исключительном положении, в котором мы очутились (после Второй мировой войны, К.П.), марксизм не смог дать нам ничего нового, потому что он остановился.

Марксизм остановился именно потому, что эта философия стремится изменить мир, потому что она направлена на «становление мира философии»**) («le devenir-monde de la philosophie»), потому, что она остается и хочет оставаться *практической****), именно потому в ней и произошел раскол, который отбросил теорию в одну сторону, а практику в другую. В то время, как окруженный кольцом врагов, одинокий Советский Союз проводил гигантскую индустриализацию, марксизм не мог не почувствовать на себе отражения этой борьбы, почти неотделимых одних от других практических потребностей и ошибок. В этот период отступления (для СССР) и отхода (для революционного пролетариата), сама идеология подвергается двум требованиям: безопасности, т.е. единства и, *постройки в СССР социализма*. Конкретная мысль должна рождаться из опыта и возвращаться к нему, что бы его оплотворять: не как-нибудь и не без всякой системы, но как это происходит в науке и в технике, согласно совершенно определенным принципам. Но партийные руководители занятые яростной интеграцией группы до ее предела, опасались, что свободное развитие истины, со всеми включающими в себя дискуссиями и конфликтами, может пагубно отразиться на единстве борьбы и ее разрушить. Они оставили за собой право определять линию поведения и истолковывать происходящее. Опасаясь кроме того, что опыт может принести свои собственные объяснения и поставит под вопрос некоторые из руководящих идей и тем самым поведет к «ослаблению идеологической борьбы», они тем самым сделали и доктрину недостижимой для опыта. Отделение теории от

практики привело к тому, что последняя превратилась в беспринципный эмпиризм, а первая в сухое застывшее знание. С другой же стороны, навязанная не желавшей признавать свои ошибки бюрократией планирование, в силу самого этого факта, становилось насилием над действительностью, а так как будущее производство страны определялось в кабинетах и конторах, зачастую находящихся вне ее территории, это насилие вызвало противоположное явление — абсолютный идеализм: как людей, так и вещи подчиняли *априори* идеям. Когда же опыт не подтверждался теорией, он оказывался неправым. В голове Ракоши будапештское метро было реальностью. Если же будапештская почва не была приспособлена к его постройке, это значит, что она была контрреволюционной. Поскольку марксизм является философской интерпретацией человека и истории, он необходимо должен был отразить и предвзятости планирования: этот застывший вид идеализма и насилия оказывал на факты идеалистическое насилие. Годами марксистская интеллигенция считала, что она служит своей партии тем, что насилует опыт, пренебрегая мешающими деталями, чудовищно упрощая данные, а главное определяя, концепциализируя явление до его изучения. Я не говорю об одних только коммунистах, но и обо всех остальных — симпатизирующих, троцкистах или симпатизирующих троцкизму — потому что все они *попались* на своей симпатии к компартии или на своей оппозиции. 4 ноября, во время второй советской интервенции в Венгрии и не имея еще никаких сведений о происходящем, решение каждой группы было уже принято: дело касалось агрессии русской бюрократии против демократии рабочих советов, восстания масс против бюрократической системы или же контрреволюционной попытки, которую удалось ликвидировать с помощью умеренного советского вмешательства. Впоследствии появилось очень много фактических данных о случившемся, но я не слышал, чтобы хоть один марксист изменил свое мнение... (стр. 25-26).

Когда Маркс пишет «Материалистическая концепция мира означает попросту концепцию природы такой, какая она есть, безо всяких посторонних прибавок», он превращает себя в объективный взор и претендует на наблюдение природы какой она абсолютно есть. Отделавшись от всякой субъективности, и приравняв себя к абсолютной объективной истине, он разгуливает в мире предметов, населенном — людьми-предметами. Напротив, когда Ленин говорит о своем сознании, он пишет: «Оно есть лишь отражение бытия, в лучшем случае лишь приблизительно верное отраже-

ние», но тем самым он отнимает у себя право писать то, что он пишет. В двух случаях дело идет о том, чтобы изъять субъективность: в первом случае мы становимся по ту ее сторону, во втором — по сю сторону. Но оба положения противоречат друг другу: каким образом «приблизительно-верное отображение» может стать источником материалистического рационализма? Выходит — и вашим и нашим. В марксизме есть образующее сознание (*consience constituante*), которое *априори* утверждает рациональность мира (и в силу этого факта соскальзывает в идеализм). Это образующее сознание определяет образованное сознание отдельных людей, как простое отражение, (что сводится к скептическому идеализму). И та и другая концепции заставляют нарушить настоящую связь человека с историей, потому что, в первом случае, познание становится чистой теорией и потому что во втором, оно превращается в простую пассивность... И пусть не пробуют соединять одну концепцию с другой «диалектической теорией отражения»: обе концепции по самой своей сущности *антидиалектичны*. Когда познание становится аподиктическим (претендующим на неопровержимость, К.П.) и когда оно выступает против возможности всякого возражения, никогда не определив ни сферы своей достигаемости, ни своих прав, оно разрывает свою связь с миром и становится формалистикой. Когда же оно сводится к простому физико-физиологическому определению, оно теряет свой первичный характер, заключавшийся в его отношении к объекту, становясь само чистым объектом познания... (стр. 30-31).

Марксистский волюнтеризм любящий говорить об анализе, свел эту операцию к простой формальности. Нет уже больше речи о том, чтобы изучать факты в общей перспективе марксизма, чтобы обогащать знание и объяснять действия: теперешний анализ заключается в том, чтобы попросту ликвидировать детали, форсировать значение некоторых феноменов, искажать и даже придумывать факты, чтобы затем словно из подполы, под видом их сущности, найти незыблемые и ставшие идолами «синтетические понятия». Открытые концепции марксизма закрылись. Это уже не *ключи*, не пояснительные схемы: они становятся для самих себя уже тотализированным знанием... Настоящее содержание таких типичных концепций будет всегда лишь *бывшим знанием*. Теперешний же марксизм делает из него знание вечное. В момент анализа его единственной заботой будет «распределить» эти сущности. Чем больше он уверен, что они *априори* представляют истину, тем меньше он втравливает себя доказательствами: поправка Керштейна,

**) В кавычках в тексте.

***) Все подчеркивания — авторские.

призывы «Радио свободной Европы», простые слухи оказались достаточными для французских коммунистов, чтобы «превратить» эту сущность — «мировой империализм» — в причину венгерских событий. Тотализирующие изыскания были превращены в схоластику тотальности. Эвристический принцип «нахождения целого из частей», превратился в террористическую практику «ликвидации частности». Не случайно, что Лукач — Лукач, который так часто искажал историю — нашел в 1956 году определение такого застывшего марксизма. Двадцать лет практики дают ему право и авторитет, чтобы назвать эту псевдо-философию *волюнтаристическим идеализмом*.

В настоящее время социальный и исторический опыт выходит за пределы знания. Буржуазные концепции больше не возобновляются, а существующие быстро изнашиваются, они

не имеют больше под собой никакой почвы: практические завоевания американской социологии не могут скрыть ее теоретической неуверенности. После молниеносного развития психоанализ застыл. Познание деталей изобилует, но не хватает основы. У марксизма есть теоретические основы, он охватывает все сферы человеческой деятельности, но он больше *ничего не знает*: его положения превратились в *заповеди*. Его цель уже не заключается в том, чтобы приобретать познания, но чтобы превратиться в абсолютное знание. Перед лицом этого двойного неведения, смог зародиться экзистенциализм, потому что он утверждал реальность человека, как перед Гегелем, Киркегор утверждал свою собственную реальность. Экзистенциализм и марксизм преследуют одну и ту же цель, только второй растворил человека в идее, а первый ищет его *где он есть* — на работе, у него дома, на улице...

Надо сказать, что марксистская практика (практика работы с массами, К. П.), не отражает или отражает плохо склероз теории: но именно конфликт между революционной акцией и схоластикой оправдывания, мешает коммунистическому человеку — как в социалистических, так и в капиталистических странах — составить отчетливое представление о самом себе: самой яркой характеристикой нашего времени является тот факт, что история свертывается ничего не зная о себе самой... Но как раз в этом и заключалась сила и богатство марксизма, что он являлся самой радикальной попыткой осветить и осмыслит весь в целом исторический процесс. Но вот уже двадцать лет, как тень марксизма только затемняет историю: поглотил что он перестал с ней жить и с помощью бюрократического консерватизма старается свести изменение к тождеству. (стр. 28-29).

Перевел К. Померанцев

ХАНС ХОЛЬТХУЗЕН

К КОНЧИНЕ ФЕДОРА СТЕПУНА

Ханс Хольтхузен — доктор философии, ординарный профессор университета в Вюрцбурге (Германия) — родился 30. ноября 1924 г. в Гамбурге. Известны две его работы: *Этюды о эстетике и теории поэзии русского символизма* (1957 г.) и о Федоре Сологубе (1958 г.), а также статья в сборнике в честь Макса Фосмера об Андрее Белом и Рудольфе Штейнере и различные статьи в специальных научных журналах.

✱

Через несколько дней после того, как ему исполнился 81 год, вечером 23 февраля Федор Степун присутствовал на одном докладе (автора настоящей статьи — примечание редакции), где в последний раз блестяще проявился его критически-конструктивный дух и общительность его образа мышления. Возвращаясь после этого доклада, он упал у порога своего дома и, больше не встал.

Мюнхен потерял в нем гораздо больше, чем только выдающийся ум, внесший свою большую лепту в славные страницы интеллектуальной жизни этого города. В Федоре Степуне мы потеряли большое сердце, — от нас ушел незабываемый облик. И, если бы это выражение не понималось сегодня зачастую несколько превратно, то можно было бы сказать, что в Федоре Степуне мы лишились оригинала (оригинальность в смысле подлинности), того, что Гете называл «Натурой».

С 1947 года Федор Степун в течение целого ряда лет читал лекции в Мюнхенском университете, где собственно говоря специально для него была создана кафедра по истории русской культуры. Но эта его профессура далеко недостаточна для исчерпывающей характеристики его личности. Он был человеком такой исключительной разносторонности дарований, что всякая попытка его классифицировать заводила в тупик. Он объединял в себе необыкновенное множество творческих личностей: он был философом и социологом, политическим публицистом и художественным критиком, он был писателем и видным театральным и кинематографическим теоретиком. Но и это еще не все. Он был также актером и даже драматургом — в государственном «Показательном театре» в Москве, существовавшем в первые годы после революции. Мы видим Степуна также и на политическом поприще, где он играет видную роль при Временном правительстве Керенского. Но из всех его многосторонних дарований, без сомнения, основное и главное, это — дар слова. Он был прирожденный оратор и виртуозно чеканил мысли в процессе выступлений. Можно сказать, что он был человеком, рожденным для кафедры, зачастую стремившимся и на трибуну. Благодаря прямо таки гипнотической силе своего слова он смог себе эту трибуну завоевать на несколько коротких месяцев в роковой и полный великих потрясений 1917 год. — Он был представителем юго-западного фронта

во Всероссийском совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а позднее начальником политического управления при военном министерстве правительства Керенского. Кажется, что тогдашние происшествия в России являются счастливым завершением длившегося десятилетиями развития — оптимальным равновесием между революционными представлениями и революционной действительностью — долженствовавшими преобразовать Великую Россию и в политическом смысле этого слова в государство, построенное на принципах демократии. Но в конце 1917 года, Ленину, с его чудовищной силой воли и с помощью радикальной группы его сторонников, представлявших собой незначительное меньшинство, удалось захватить власть в свои руки. 33-летний Степун оказалась отброшенным в ряды деклассированной буржуазии, а несколько лет спустя, он должен был покинуть свою страну. Оказался ли он только потерпевшим неудачу политиком? Или же именно это событие привело его на путь выполнения его жизненного назначения — стать одним из творческих борцов против всяческого застоя в области, как политической, так и культурно-критической мысли — роли вызванной и усугубленной его положением эмигранта, вынуждающим не творить историю, а ее познавать и осмысливать. Быть может поэтому он и ему подобные были призваны свою неосуществленную и неприятую, но незапятнанную правду привезти с собой за

границу, чтобы она легла в основу тех идей, которые будут творить историю завтрашнего дня, идей философски отражающих историю вчерашнего дня, за ошибки которой пришлось расплатиться болью пожизненного изгнания. Многочисленные произведения Степуна — это именно свидетельство таких его ретроспективных размышлений; из них прежде всего следует назвать книгу «Большевизм и христианское существование», опубликованную (по-немецки — примечание редакции) в 1959 году.

Вклад в духовную жизнь свободного мира (с 20-х по 40-е годы) представителей первой русской эмиграции — Бердяева, Федотова, Степуна и многих других, почти невозможно переоценить. Благодаря им перед восхищенным взором Запада открылись глубины духовного познания в дореволюционной России. Но и как политические теоретики они помогли становлению послереволюционного христианского демократического общества в новых условиях нашего прогрессивного века и его соответствии запросам последнего.

В отличие от Бердяева, Степун, собственно говоря, не создал никакой философской системы; его деятельность была всегда несистематичной, стихий-

ной. Его область — это остроумная импровизация, историко-философские и богословские афоризмы, «молекулярно-социологические» открытия. Он написал превосходную монографию о Достоевском; в его книгах о театре и фильме даны фундаментальные формулировки по драматургии, не устаревшие еще до сих пор. В романе «Николай Переслегин» (роман в письмах), опубликованном в 1923 году также и на немецком языке, он осветил проблемы эроса своего поколения, как остро переживаемый конфликт между «абстрактной чувственностью» и нравственным понятием о любви, соприкасаясь таким образом с Соловьевскими понятиями о жертве и самостановлении. Эти и многочисленные другие темы его многосторонне восприимчивого и разносторонне деятельного духа, Степун объединил в своем главном произведении — трехтомной автобиографии, изданной в Мюнхене в издательстве Кезеля в 1947 — 1950 г. г. Этот труд (в несколько сокращенном виде) вошел в 1961 году объемистой книгой в так называемую серию «девятнадцать». В своей автобиографии этот ни с кем не сравнимый человек, который, поистине, никогда не мог бы сказать о себе словами русского философа Чаадаева,

что он считал бы себя безумным, если бы в его голове было больше, чем одна мысль, — этот человек разбирает в своей книге свою собственную и, можно сказать, свою единственную тему — тему своей жизни, жизни блестящей, страстной, обуянной жизненностью личности, подпавшей под чары революции.

Если бы он написал только одну эту книгу, то и то, Германия, оказавшая ему гостеприимство, получила от него больше, чем она ему дала. Но значение Степуна для двух городов, где главным образом протекала его деятельность — Дрездена, а потом Мюнхена — во много раз выше ценности всех им написанных книг. Оно заключалось уже в одном только его присутствии среди нас как писателя, как оратора; оно заключалось в его университетском учительстве и прежде всего в одухотворяющем и вдохновляющем существе его личности, излучавшей жизнерадостность, доброту, остроумие.

Его никто никогда не сможет «заменить» потому, что, если нас не обманывают признаки нашего времени, то натуры такой стихийной силы в будущем больше появляться не будут.

Г. В.

КАМНИ ВОПИЮТ

(ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ДОКЛАДА)

Недавно вернулся домой после двухлетнего пребывания в России археолог Н.

Целью его поездки к нам на родину было изучение древней русской архитектуры и церковной живописи — иконописи. Привез он около 500 цветных снимков для экрана. Он побывал в зонах, где еще не ступала нога западного туриста. И это ценнее всего. Кроме храмов, часовен, кладбищенских усыпальниц, он, когда только мог, украдкой снимал бытовые сценки, граждан и гражданок самой передовой в мире страны, их изумительную ловкость одеться в неодеваемое, жить в помещениях не для жилья, русской женщине свободно заниматься любой профессией... Порой пути археолога скрещивались с маршрутными путями туристов и тогда на экране появлялись несколько подправленные храмы (не все!) и какой-то процент сравнительно приличных домов и даже улиц.

Количество снимков — огромно и кто в состоянии с ними ознакомиться, тот, положив руку на сердце, вправе будет сказать: «Я только что побывал в России...» На докладе было

продемонстрировано за сотню — полторы снимков.

Вот некоторые из них:

Трещина расколола древний храм. У подножья храма щебень и песок размытой от времени штукатурки. В стороне от храма, вся в выбоинах, разбежалась широкая площадь. Справа ее замыкает длинный дом — ящик с надписью по всему фронту: «Слава нашей партии». Слева — ряд низеньких строений, очень живописных, так как, повидимому, с самого «радостного» февраля стоят без ремонта. Площадь пересекает Плюшкин, но... с коромыслом на плече и двумя ведрами. Повидимому, это все-же женщина и занимается она делом автотопоснабжения, — слава нашей партии!

Еще раз ей-же слава за славное платье женщины. Наверное прочная, без сноса одежда, как почетное знамя переходящая от бабушки к внучке, с базарного лотка в руки и снова на лоток. А главное, сколько целомудрия в просторном покрое одежды: ни талии, ни бюста и никаких округлостей. И как практично: никаких мерок не надо — на любой

рост и пол. Есть самое главное — два рукава и разрез под воротник. Вместо кушака — веревка. Это тоже практично. Пришла бабушка (а может быть, и паренек) домой, сняла платье, а тут и веревка к чему-либо понадобится. В хозяйстве все годится.

Ах, не стоило бы столь подробно списывать с экрана это одеяние, — если бы не оказалось оно общим для всех граждан и гражданок нашей необъятной страны. Последующие снимки показали, что это там такая мода для народа, хотя некоторые товарищи, особенно с портфелями, одеты позанозистее, но тоже не очень.

Но вернемся к храму. Наш докладчик снял его и в отдалении, и с одного края, и с другого. Снял он в отдельности купол без креста, барельефы, высеченные в камне 800 лет назад; дыры в стенах более позднего происхождения, примерно, 30-ти летней давности; зияющие черные провалы вместо оконных и дверных рам, что образовалось примерно тогда же.

С двенадцатого века стоял храм Божий. Проходили долгие годы сотни лет, с их сменами весны, лета, осени, зимы. Дули ветры, завывали снежные вьюги, лились обильные дожди, жарко нагревались южная и западная стены в летнюю пору, коченели стены зимой... Но ничто не угрожало храму разрушением. Хозяйственный глаз и набожная душа спешили храму на выручку всегда, когда это надо было. Снова и снова купол покрывался позолотой и стены блестели новой белизной. Вековечно народ оберегал свой храм, куда для праздников Божиих, по требам, в радости и горе прибегал с молитвами ко Господу. Целый родник слез излился в нем.

Но пришла «родная, народная» и осушила всем глаза так, что не только родник иссяк, но и сам храм вот-вот, за ненадобностью, обратится в прах.

Теперь это только археологическая находка нашего докладчика. Быть может в этом храме бессмертные творения Рублева? Но какая от них польза для семилетки? (виноват, теперь о ней конфузливый молчок). Вот кирпичиком бы поживиться. Но крепок храм, не оторвать из кладки кирпича, не сломав его. Но зато на выручку власти, из года в год, во все щели и трещины стен, по осени проникает вода и натужно творит зимой милое для власти дело. Геть, Святая Русь! Сгинь, как не бывала!

А потом появляется строительная комиссия. То родная власть печется о безопасности граждан своих. И вот, в газетах постановление: «Ввиду опасности обвала сводов — разрушить, сломать, разобрать...»

Так погибло много храмов, говорит докладчик. Остальные стоят без ремонта и ждет их та-же участь.

Что ни храм, то самая настоятельная необходимость в спешной починке, спешного капитального ремонта. Кое-что для туристов подчищено, для саморекламы в охране культурных памятников страны, но в массе своей храмы и монастыри умышленно разрушаются. И когда среди толпы совграждан вы видите личность прилично одетую, или в военной форме, у вас невольно возникает самое отчетливое представление о народе и его, враждебном всему народному, исконне русскому — оккупанте. Еще 50 лет советской оккупации России и ничего русского на русской земле не останется. Безобразные коробки новостроек выстраиваются в линию на месте, прежде занятом средневековой толстостеной постройкой или церковью. А рядом — пустыри и землянки на них.

Посмотрим еще одну картинку.

Представьте просторное небо с причудливо громоздящимися обла-

ками, а к ним льнет березовая роща. Мягкая волнистая трава и белая коза пасется у стволов деревьев. Дорога прорезает рощу. Она блещит лужами и жирными колеями. Она — западня для автомобиля. Впрочем, по ней ползет обломок из веков минувших. Обыкновенная телега, запряженная в Савраску с дугой. И, как полагается, Савраска бредет, опустив свою многострадальную голову. В зале полушопотом волна восклиданий:

— Догоним и перегоним...

— Красиво, но техники малоовато...

Немного вправо от дороги и козы — груда чего-то, созданного человеческими руками. Это доски и жест, вкривь и вкось сколоченные под жилье. Несколько тропинок обрываются у входов в жилплощади. Как же их иначе назвать? Были некогда для нищей братии, бродяг и бездельников страноприимные дома, ночлежки, были углы, каморки, полуподвальные помещения. Но такого, что изображено на фотографии, даже в блистательной Порте у «рай» (рая — бесправные полурабы — христиане) не было никогда. Зато подсоветский труженик ютится в таком жилище и сколько их родилось, выросло и даже умерло, пока жива советская власть! От жилища тянется проволока, но обрывается на одной из берез. Это не для «лампочки Ильича». Полощется на проволоке белье. Кодак любопытного до быта и уклада жизни иностранца ввел белье в самый фокус объектива. Не знаю, где, в какой стране стирали бы еще такие лохмотья?

Ученый снимал храмы и все, что было рядом с ними.

Мы видим русское небо, русскую природу, русских людей. На всех

снимках легкий воздух России и чад большевистской мерзости, его отравляющий. Каждый снимок криком кричит, что в стране укрепился враг и он ломает все самое дорогое, что свято для русской души.

Вот на фоне покосившихся крестов подчищенный бюст Гоголя на его могиле. А вот слегка поправленное строение с новой надписью гражданским шрифтом: «Гробница Годуновых». Это поправлено для туристов. Но большинство храмов Новгорода, Владимира, Суздаля, Москвы, Подмосковья, церковь с Коломенского, — чудо строительного искусства времени Иоанна Грозного, — дороги, дома старой России, — все превращается в прах и тлен.

Но идет и строительство, очень замедленное, в то время, когда требуется громадное, горячее и повсеместное. Кое-где над кровлями старых домов высятся краны. При их помощи собираются блоки домов из заранее отлитых частей. Любому строителю известно, что качественно такие дома хуже прежней капитальной постройки. Прокладываются кое-где асфальтовые дороги довоенного профиля.

Однако, не с тяжелым сердцем, но с вдруг родившейся надеждой уходишь с доклада. Многие храмы, в память победы над Исламом, украшены крестами на поверженном полумесяце.

Билась и боролась Русь с татарским игом и одолела его.

Так и теперь должно быть. Но новые кресты станут попираť кровавую звезду, ныне, пока еще, торжествующую.

Так будет, если не пришли последние времена и не быть нашей планете живу.

ГЕОРГИЙ ШАПОВАЛЕНКО¹⁾

ВЕНЕСКИЙ ТРИУМФ НУРЕЕВА

РУДОЛЬФ НУРЕЕВ — в недавнем прошлом один из ведущих артистов балетной труппы Ленинградского театра имени Кирова. Во время парижских гастролей этой труппы, Нуреев, 16 июня 1961 года избрал себе свободу, отказавшись вернуться в Советский Союз, остался на Западе. Выдающиеся знатоки балета и театральные критики считают, что у Нуреева много бесспорных артистических достоинств, а самое главное из них — это то, что высокая техника балетного мастерства у него органически сплоче-

на с драматическим искусством. В балете — Нуреев показывает себя одновременно и как первоклассный танцовщик и как большой драматический актер, владеющий мимикой и жестом. У Нуреева — редкая способность воплотить в искусстве танца душевные движения и внутренние переживания.

В «Автобиографии» Нуреев пишет: «Я не спорю с теми, кто считают меня крайним индивидуалистом. Это верно. Я никогда не хотел быть таким, как все, раствориться в коллективе». Избрав свободу Нуреев имеет «возможность проявить и развить на хореографическом поприще тот талант, те способности, наличие которых не-

¹⁾ Статья Г. Шаповаленко в сокращенном виде из «Русской Мысли» 14. 11. 1964.

оспоримо подтвердил его венский триумф».

*

Более полувека минуло с того дня, когда, в начале 1912 года, на сцене Венской Императорской Оперы впервые выступил уже завоевавший мировую известность Русский Балет Сергея Павловича Дягилева.

Тридцать семь лет прошло со дня его заключительного там выступления, бывшего заодно и последним триумфом хореографического искусства в австрийской столице, и едва ли будет преувеличенным сказать, что все последующие годы венский балет, как бы заколдованный вереницей колдунов и колдуний, провел, подобно сказочной красавице Авроре, в глубоком сне, ожидая появления Прекрасного Принца, призванного пробудить его к новой жизни.

И вот, чудо совершилось.

В Вену заглянул долгожданный Прекрасный Принц.

Появился он в облике бога танца наших дней, имя которому Рудольф Нуреев.

Проработал Нуреев с венским балетом всего лишь месяц, но за этот короткий промежуток времени принес ему значительно больше пользы, чем это сделали его предшественники за долгие годы.

Так, он не только исправил танцевальный стиль ансамбля — об его ~~переулучшении~~ не могло быть, конечно, речи, ибо слишком уж велики «грехи отцов», — но и воодушевил его, изменил к лучшему весь подход «венских чиновников от балета» к тому искусству, у которого они находились с прохладцей на службе, не служа ему.

Поставленное Нуреевым впервые на сцене Венской Государственной Оперы «Лебединое озеро» явилось блестящим завершением его плодотворной работы.

Следует прежде всего подчеркнуть, что созданная им в Вене новая версия этого классического балета значительно отличается от прежних в хореографическом и — музыкальном отношении.

Рудольф Нуреев не удовольствовался балетмейстерской деятельностью, не избрал удобно протоптанную дорожку, а создал оригинальное хореографическое произведение, что делает большую честь этому вдумчивому, в работе требовательному и своенравному, в частной жизни на редкость симпатичному и непретенциозному, честному в отношении своего искусства, незаурядно умному молодому человеку и гениальному танцовщику. возражений, пути.

Переделывая «Лебединое озеро» на свой манер, он пошел по совершенно правильному, не могущему вызвать

В отношении музыки его новшество состоит в том, что он, подобно известному парижанам Вл. Бурмейстеру, изъясил ее слишком уж хорошо знакомые, чтобы не сказать избитые, части и заменил их малоизвестными пассажами, заимствованными у первобытной, позже сокращенной, партитуры Чайковского.

Что касается содержания балета, вернее его первого и третьего действия, то внесенные Нуреевым изменения можно только лишь приветствовать.

Его трактовка освобождает сказочный сюжет от ненужного балласта (упразднена бесцветная роль Бенно, не появляется не совсем уместный шут, до минимума сокращена роль неуклюжего воспитателя, Вольфганга) и придает ему предельно логичную линию, неуклонно ведущую от первой, как бы ничего хорошего не предвещающей, встречи молодого принца с зачарованной принцессой к трагическому исходу их любви: Одетта остается во власти злого Ротбарта, Зигфрид гибнет в волнах озера, вышедшего из берегов по воле чародея.

За всю свою многолетнюю практику пишущий эти строки не видел столь продуманно построенного, непринужденно развивающегося первого действия и столь пышно-величавого, стильного придворного бала в третьем акте (на который, кстати, будь сказано, претендентки в невесты являются не в одиночестве, совершенно не подходящем к их достоинству, а в сопровождении важных и гордых отцов).

В танцевальном отношении творение Нуреева инспирировано хореографией Петипа и Иванова, как он это сам упоминает, но инспирация эта — за исключением перенятого в целости «Танца маленьких лебедей» — повлияла лишь на стиль балета, а никак не на его хореографическое построение.

Работая над «Лебединым озером», Нуреев преследовал, по-видимому, две

главные цели: создать более выигрышную хореографию для роли Зигфрида и тем самым исправить главный недостаток балета в глазах современного зрителя; выработать такую концепцию, которая представляла бы собой полноценное хореографическое произведение, оставаясь доступной силам венского ансамбля.

Обе эти задачи были им блестяще решены.

В его постановке роль Зигфрида становится центральной, обогатившись многими эффектными танцевальными моментами, в первую очередь прекрасным сольным танцем, заканчивающим первое действие.

Очень хорошо удался ему и последний акт с красивым лирическим «прощальным» Па-де-Де. Что же касается знаменитого второго акта, шедевра Льва Иванова, превзойти который едва ли возможно, то его новая хореография может показаться на первый взгляд менее удачной уже и потому, что в ней отсутствуют привычные, органически связанные с сюжетом движения рук танцовщиц кордебалета, изображающие взмахи лебединых крыльев. Судя по всему, движения эти, требующие долголетних упражнений, должны были быть принесены в жертву техническим возможностям молодых венских танцовщиц.

Премьера балета, показанного в декорациях и костюмах хорошо известного в Лондоне греческого театрального художника Николая Георгиадиса, богатых фантазией, но несколько тяжеловатых (за исключением нарядности удачного второго (четвертого) акта), состоялась при участии Рудольфа Нуреева и Марго Фонтейн в главных ролях.

Одухотворенное, необыкновенно поэтичное, технически безупречное и в то же время лишенное spectacularной виртуозности, трогательно искреннее исполнение Нуреевым роли юного Зигфрида несомненно превосходит все виденное в этой области за последние десятилетия.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД

(47-АЯ ГОДОВЩИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ)

Российская эмиграция с первых дней своего пребывания за рубежом создавала, во всех местах своего рассеяния, различные общества помощи инвалидам, престарелым, детям и больным братьям. Литературный фонд, вступивший в 47-ую годовщину своего существования, одно из первых таких обществ, созданных в Нью-Йорке. Вот что пишет о Литературном фонде его председатель М. Вейнбаум, главный редактор газеты «Новое Русское Слово»:

В день, когда было назначено Общее Собрание Литературного Фонда, в редакцию пришел молодой человек, один из новейших эмигрантов из Советского Союза. Он прочитал в газете объявление о нашем собрании и захотел узнать, что это за организация Литературный фонд.

Я рассказал ему, что Общество Помощи русским писателям и ученым было основано вскоре после захвата большевиками власти в России генералом и публицистом К. М. Оберучевым, одним из первых в Америке по-

слереволюционных политических эмигрантов.

Целью общества было помогать голодающим писателям и ученым в России. Была организована отправка посылок в Дом Писателя в Петроград. Оттуда стали получаться горячие письма благодарности.

Вскоре, однако, советская власть наложила запрет на посылки, и связь с Домом Писателя оборвалась. К тому времени в Западной Европе оказалось не мало писателей и ученых. Многие из них очень нуждались. Общество начало помогать им.

После кончины К. М. Оберучева дело помощи продолжали другие. Несколько позже к названию Общество Помощи писателям и ученым были прибавлены слова «в изгнании».

В последние пятнадцать лет за Обществом закрепилось название Литературный Фонд. В России Литературный Фонд был основан в 1859 году. Он прекратил свое существование при большевиках. Так как функции нашего Общества были те же, что и Литературного Фонда, то мы решили присвоить ему это название...

Молодой человек выслушал меня. Пришел вечером на наше собрание и уходя, выразил желание стать членом Литературного Фонда и обещал прислать свой чек...

✱

Гюго сказал: «Милостыня — подачка, которая унижает, помощь — укрепляет». Такую именно помощь вот уже сорок шесть лет оказывает Литературный Фонд престарелым, больным, нуждающимся писателям, ученым и деятелям искусства и их семьям.

Литературный Фонд — единственное место, куда эти люди могут обращаться и обращаются за материальной и моральной поддержкой. И они получают ее, благодаря вам, отзывчивые люди, благодаря членам Лит. Фонда и его отделам, благодаря сборщикам добровольцам, благодаря ряду организаций, откликнувшихся на наш призыв, благодаря крупным и маленьким вашим взносам, давшим нам в прошлой кампании 20.614 долларов с лишним...

Все вы знаете, что Лит. Фонд не имеет платных служащих. Никто из членов Фонда не получает на жалования, ни наградных. Члены Правления, помимо неустанного труда, сами жертвуют в Литературный Фонд...

Как же использованы эти 20.614 долларов в минувшем 1964 году? В докладе о деятельности Литературного Фонда общему собранию 10 ноября 1964 года Председатель Фонда М. Вейнбаум доложил:

Что мы сделали с собранными деньгами? В течение 1964 года Правление выдало 580 ссуд и пособий на суммы

от десяти (пакеты «Кэйр») и до 150 долларов, в зависимости от нужды просителей, преклонного возраста или болезни каждого. Это кроме выдач по указанию Л. Ф. председателем Земгора в Париже Н. С. Долгополовым. Ему были посланы на Рождество 750 долларов и на Пасху — 400. Выдачи эти были сделаны преимущественно среди лиц, находящихся в домах для престарелых, нуждающихся в карманных деньгах.

Как и в прошлые годы, больше всего пособий пришлось на Францию. Их было отправлено 238.

На втором месте оказались США и Канада — 154 ссуды, на третьем — Германия — 50 пособий, на четвертом — Югославия — 48.

За ними следуют: Аргентина — 20, Италия — 19, Австрия — 15, Израиль — 13, Великобритания — 12, Бельгия — 10, Чехословакия — 9, Марокко — 6, Швейцария — 5, Румыния — 4, Бразилия и Голландия по 3 выдачи.

В Соединенных Штатах и Канаде было выдано ссуд на 5.288 д. 85 с. Во всех остальных странах было выдано пособий на 12.880 долл. Всего было израсходовано на помощь 18.168.85. В прошлом году таких выдач было на сумму в 16.370 долларов.

Пенсионеры. Как вам известно, наиболее нуждающиеся или особенно за-

служенные получают регулярную ежемесячную или двухмесячную пенсию. Лет 15 назад у Фонда никаких пенсионеров не было и не могло быть — не хватало средств. Успешные сборы позволили нам быть щедрее и назначать наиболее нуждающимся регулярную помощь. С каждым годом число наших пенсионеров увеличивается. В прошлом году их было 54.

В прошлом году в Правлении раздался голоса о том, что необходимо ограничить число пенсионеров. Но осуществить это не удалось. Старость и болезни увеличивают нужду, и регулярная помощь насущно необходима. Сейчас у нас уже 63 пенсионера.

Мне остается лишь призвать всех вас, здесь собравшихся, принять участие в открывающейся в ближайшую субботу очередной кампании Литературного Фонда.

Жертвуйте в Литературный Фонд! Становитесь членами Литературного Фонда!

Окажите всяческое содействие сбору Литературного Фонда!

М. Вейнбаум

P. S. — Чеки и почтовые переводы следует выписывать на Лит. Фонд и отправлять по адресу:

Litfund, 243 West 56th Street, New York, N. Y. 10019. USA.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ

(КРАТКАЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Николай Александрович Бердяев родился в Киеве 6 марта 1874 г., скончался 23 марта 1948 г. в Кламаре под Парижем.

Б. воспитывался в Киевском кадетском корпусе. Потом он учился в Киевском университете, сначала на естественном, а потом на юридическом факультете. В 1898 г. он был арестован и исключен из университета, а в 1900 г. сослан на 3 года в Вологодскую губернию. Эти происшествия не помешали ему однако в это же самое время начать литературную деятельность. В 1899 г. появилась его первая статья, сначала по-немецки, а через год по-русски, а в 1901 г. вышла его первая книга. В 1922 г. Б. в числе многочисленной группы русских ученых и писателей высылается советской властью за границу. (Среди высланных были между прочим: Ю. А. Айхенвальд, о. С. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Л. Н. Карсавин, А. А. Кизеветтер, Н. О. Лосский, С. П. Мельгунов, М. М. Новиков, П. И. Новгородцев, Ф. А. Степун, С. Л. Франк; всего было выслано около 120 человек).

После высылки Б. проживает сначала в Берлине, где он основывает «Религиозно-философскую академию». В 1924 г. Б. переезжает в Париж, где и остается до конца своей жизни. С 1925 по 1940 г. Б. издает в Париже журнал «Путь» («Орган русской религиозной мысли»).

Список произведений Н. А. Бердяева:

Ф. А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму. «Мир Божий», IX, 1900, № 7, стр. 224-254.

Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. (С предисловием П. Б. Струве). СПб., 1901.

Борьба за идеализм. «Мир Божий», X, 1901, № 6, стр. 1-26.

К философии трагедии. Сборник «Литературное дело».

Этическая проблема в свете философского идеализма. Сборник «Проблемы идеализма», Москва, 1902, стр. 91-136.

Заметка о книге Богданова «Познание с исторической точки зрения».

«Вопросы философии и психологии», XIII, 1902, № 64 (IV), стр. 839-853.

Критика исторического материализма. «Мир Божий», XII, 1903, № 10.

Политический смысл религиозного брожения в России. «Освобождение», II, 1903-1904, № 13-14, стр. 218-220 и 242-245.

А. С. Хомяков, как философ. «Мир Божий», XIII, 1904, № 7, стр. 17-22.

О новом русском идеализме. «Вопросы философии и психологии», XV, 1904, № 75 (V), стр. 683-724.

Катехизис марксизма. «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 369-379.

К истории и психологии русского марксизма. «Полярная звезда», 1906, № 10, стр. 678-686.

Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906). СПб., 1907.

Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.

Происхождение зла и смысл истории. «Вопросы философии и психологии», XIX, 1908, № 94 (IV) — 95 (V), стр. 287-334 и 441-479.

Опыт философского оправдания христианства. О книге Несмелова «Наука человека». «Русская Мысль», XXX, 1909, № 9, 2 отд., стр. 54-72.

Философская истина и интеллигентская правда. Сборник «Вехи», Москва, 1909, стр. 1-22.

Вера и знание. «Вопросы философии и психологии», XXI, 1910, № 102 (II), стр. 198-234.

О расширении опыта. «Вопросы философии и психологии», XXI, 1910, № 103 (III), стр. 380-384.

Гносеологическая проблема. «Вопросы философии и психологии», XXI, 1910, № 105 (V), стр. 281-308.

Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. СПб., 1910.

Проблема востока и запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. «Сборник первый о Владимире Соловьеве», Москва, 1911, стр. 104-128.

Философия свободы. Москва, 1911. Алексей Степанович Хомяков. Москва, 1912.

Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Москва, 1916.

Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. Москва, 1918.

Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин, 1923.

Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, издат. Обелиск, 1923, 268 стр.

Миросозерцание Достоевского. Прага, The YMCA — Press, 1923, 238 стр.

Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924.

Русская религиозная идея. Проблемы русского религиозного сознания, 1924, стр. 52-138.

Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, YMCA — Press, 1926, 270 стр.

Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. Париж, YMCA — Press, том I, (1927), 272 стр., том 2, (1928), 236 стр.

Из этюдов о Я. Беме. Этюд I. Учение об Ungrund'e и свободе. «Путь», Париж, YMCA — Press, 1931, 144 стр.

Христианство и классовая борьба. Париж, YMCA — Press, 1931, стр. 144.

О назначении человека. 1931.

О самоубийстве. Психологический этюд. Париж, YMCA — Press, 1931, 48 стр.

Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж, YMCA — Press, 1931, 48 стр.

Духовное состояние современного мира. «Путь», Париж, 1932, № 35, стр. 56-68.

Христианство и активность человека. Париж, YMCA — Press, (1933), 26 стр.

Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. Париж, 1934.

Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж, YMCA — Press, (1934), 192 стр.

Проблемы человека. «Путь», Париж, 1936, № 50, стр. 3-26.

Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Париж, (1937).

Христианство и антисемитизм. Париж, YMCA — Press, 1938, 32 стр.

О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж, YMCA — Press, 1939, 222 стр.

Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, YMCA — Press, 1946, 260 стр.

Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективизация. Париж, YMCA — Press, 1947, 218 стр.

Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, YMCA — Press, 1949, 378 стр.

Царство Духа и царство Кесаря. Париж, YMCA — Press, 1951, 170 стр.

Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, YMCA — Press, 1952, 248 стр.

Автоизложение. «Вестник Русского студенческого христианского движения», Париж, 1952, № 4, стр. 15-21.

Третий исход. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1953, № 12/32, стр. 271-280.

Выдержки из писем Н. А. Бердяева к г-же Х. (1930-1939 г. г.). «Новый журнал», Нью-Йорк, 1953, № 12 (35), стр. 172-189; 1954, № 13 (36), стр. 189-204.

Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, YMCA — Press, 1955, 160 стр.

Из записных книжек. «Мосты», Мюнхен, 1960, № 5, стр. 209-213.

Из переписки Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и Л. И. Шестова. «Мосты», Мюнхен, 1961, № 8, стр. 255-261.

А. Желнин

ХРОНИКА

(ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ)

Лев Александрович Зандер — профессор русского Богословского института в Париже и один из руководящих членов Русского Студенческого Христианского Движения скончался 17 декабря 1964. Покойный Л. А. посвятил свою жизнь идее объединения христианского мира и создания церковной интеллигенции.

Николай Владиславович Вольский — родился в 1879 г. в Моршанске Тамбовской губернии, скончался на 85 году жизни во Франции. Покойный Н. В. в молодости убежденный большевик и последователь Ленина. Автор известной книги «Встречи с Лениным», в которой он не только дает правдивый портрет Ленина, но и объясняет почему сближение с Лениным привело его к разрыву с большевизмом. Его дальнейшие труды — «Философские построения марксизма» и «Маркс и марксизм», изданные под псевдонимом Н. Валентинов, вызвали ожесточенную критику Ленина.

Владимир Иванович Юркевич известный русский инженер кораблестроитель скончался в Нью-Йорке. В. А. окончил в 1910 году Кронштадтское Морское Училище. Молодым инженером он руководил постройкой подводных лодок на заводе Ноблессер в Ревеле. В эмиграции В. И. получил широкую известность как конструктор французского пассажирского парохода «Нормандия».

Михаил Михайлович Новиков — последний свободноизбранный ректор Московского университета скончался в возрасте 89 лет в Нейаке под Нью-Йорком. После октябрьской революции М. М. был заключен в Бутырскую тюрьму и в 22-м году выслан из Советского Союза. В эмиграции М. М. читал лекции в Пражском, Братиславском и Мюнхенском университетах и стоял во главе русского свободного университета.

Николай Онуфриевич Лосский, — скончался на 94 году жизни в Па-

риже. Н. О. Лосский бывший профессор Петербургского университета был одним из виднейших представителей блестящей плеяды русских философов первой половины нашего века. Большинство его трудов переведены на все европейские языки.

Федор Тарасович Лебедев, скончался 21 января в Мюнхене. Ф. Т. Лебедев был известным журналистом и общественно — политическим деятелем.

Театр молодых имени Василия Ивановича Томского в Сиднее, известного артиста Русского Дальнего Востока, успешно закончил первый год своей деятельности. К работе в театре привлечены десятки молодых людей и девушек. Собираются деньги для постройки собственного помещения.

Балет «Спящая Красавица» — Чайковского поставлен «Юниверсити баллет» в Капштадте по хореографии Мариуса Петипа, более 50 лет служившего в Мариинском театре в Петербурге.

90-летия со дня рождения Николая Константиновича Рериха было отмечено выставкой его картин в Нью-Йоркском музее его имени.

50-летие деятельности художника и скульптора Владимира Иванова было отмечено выставкой его работ в Нью-Йорке.

Киноартисту комику Жаку Тати посвящена большая статья в Парижском журнале «Матч». Настоящая фамилия артиста Татищев — он русского происхождения. В собственной студии Сэн Жермен под Парижем, Тати работает над своим новым фильмом. Свой фильм он сам финансирует, режиссирует и исполняет в нем главную роль.

Русский художник абстракционист М. Андриенко выставил свои картины в Риме в галерее Иль Билико.

М. Е. Глухарев — один из 12-ти наилучших в мире авиаконструкторов отпраздновал на днях 50-летний юбилей пилотирования самолетов разных систем. До 1960 года М. Е. занимал пост главного инженера-конструктора авиационных заводов Сикорского в США, а затем М. Е. стал главным консультантом этих заводов.

Анна Ахматова — согласилась принять звание доктора гонорис кауза, присужденное ей Оксфордским университетом. Торжественная церемония состоится в сентябре этого года. Первым русским писателем удосто-

ившимся этой чести, был Н. С. Тургенев.

Ольге Николаевне Сахаровой — русской художнице, постоянно проживающей в Мадриде, присуждена серебряная медаль города Мадрида. Это первый случай, премирования художницы-иностранки.

Дом для престарелых в Берлине — построенный на средства Толстовского Фонда для неимущих русских и состоящий из 72 отдельных маленьких квартир, был торжественно открыт в январе 1965 года.

Русский дом для престарелых в Сантьяго, Чили — открыт в конце января 65 года. Средства для постройки 5 павильонов собраны Толстовским Фондом.

Организация русских юных разведчиков ОРЮР в Австралии отметила 10-лет. своего существования. Дружина «Севастополь» основана в 1954 году.

Число русских церковных приходов в Австралии и в Новой Зеландии достигло 23. Их возглавляет архиепископ Австралийский Савва. Крупнейшим событием русской церковной жизни в Австралии был приезд сюда первоиерарха Русской зарубежной Церкви, митрополита Филарета.

«Мы витязи славной России, за веру, за Русь мы идем» — так начинается гимн национальной организации Витязей. В этом году его пели на праздновании дня покровителя витязей святого благоверного князя Александра Невского в Париже, Лигоне, Брюсселе, Льеже, Буэнос-Айресе и Сиднее.

«Снегурочка» в «театре Елисейских Полей» в Париже. — Стараниями директора Лондонского «Фестиваль-Балета», в архиве Московского Большого Театра была найдена партитура написанная Чайковским к «Снегурочке» Островского.

Эта партитура пополненная отрывками из 1-й Симфонии Чайковского использована балетмейстером Владимиром Бурмейстером для нового балета. Роль Снегурочки исполняла Галина Самцова.

15235,68 долларов чистого дохода дал бал Комитета Помощи русским инвалидам в Сан-Франциско.

Освящение нового кафедрального собора св. Николая в Монреале, Канада, построен на добровольные пожертвования прихожан. Собор является одним из самых вместитель-

ных и благоустроенных храмов зарубежья.

45-летие издательства УМСА — Пресс.

Издательство УМСА - Пресс празднует свое 45-летие, оно было основано в 1920 году, и родилось в результате миссионерского пафоса организации Христианского Союза Молодых Людей. За 45 лет своего существования издательство выпустило в свет свыше 430 названий, около 900 тысяч книг, журналов, брошюр на русском языке.

В Обществе Помощи Русским Детям За Рубежом.

За последний период обществом собраны пожертвования на сумму в 3.676 долларов.

На всемирной выставке в Нью-Йорке — ни один из концертов национальных групп не привлек столько посетителей как концерт русского Национального Хора под управлением Н. П. Афонского и ряда выдающихся русских солистов.

Сборы на ремонт Александро-Невского Собора в Париже прекращены, необходимые суммы были собраны по всему зарубежью.

Церковный совет Св. Успенской церкви при русском кладбище Сэн Женевиев де Буа под Парижем приступил к составлению сборника, в котором будут собраны некрологи о всех лицах, похороненных на кладбище. В числе их много выдающихся представителей литературы, искусства, политических деятелей, военных командиров, и т.д.

Столетие Новороссийского Университета отпраздновала в Париже группа бывших студентов университета. Председатель собрания Н. М. Стойко, астроном Парижской обсерватории, ученый с международной известностью, упомянул в своем слове о коллегах занимающих высокие научные посты на нашей родине, а также в Старом и Новом Свете.

Редакционная коллегия.

Редактор Е. Мамуков

Почтовый адрес:

SARUBESCHIE
8 München 27
Postabthofach

Банковский счет № 30 / 90 246
Neuwians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция сожалеет, что во время печатания, в номере вкралось несколько ошибок — выпали примечания, указывающие источники, из которых взяты статьи:

1. Статья проф. Ханса Хольтхузена «К кончине Федора СТЕПУНА» была опубликована в мюнхенской газете «Зюддейтше Цейтунг» от 25 февраля с. г. и помещена нами в переводе.
2. Статья «Камни вопиют» перепечатана нами из газеты «Россия», Нью-Йорк 1964 г.
3. Статья «Литературный Фонд» составлена из двух статей газеты «Русская Мысль» от 24 ноября и 1 декабря 1964 г.

Редакция надеется, что читатели отнесутся снисходительно к имеющимся в номере опечаткам.